

Михаил Захарчук

Гафт

и

Остроумова

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Великие актеры театра и кино

Михаил Захарчук

**Гафт и Остроумова.
История любви**

«ЭКСМО»

2020

УДК 792.071:929(470)

ББК 85.334.3(2)6-8

Захарчук М. А.

Гафт и Остроумова. История любви / М. А. Захарчук —
«Эксмо», 2020 — (Великие актеры театра и кино)

ISBN 978-5-04-107470-8

Эта книга о том, как известный, всенародно любимый актер нашел свое семейное счастье. О том, что такое – любить. О верности, терпении и надежде, которой так иногда не хватает людям, преодолевшим середину земной жизни. Чувства трепета, восторга, восхищения и... желание говорить тихо, когда наблюдаешь за этой бесподобной семейной парой. Бог одарил их всем – красотой, талантом, везением. Валентин Гафт свою жену обожествляет. Он сам признается, что всегда смотрит на нее так, будто видит первый раз в жизни. Они долго искали друг друга. Слишком долго и трудно, чтобы легкомысленно относиться к тем драгоценным минутам, когда они рядом. Он – народный артист РСФСР, театральный режиссер, поэт и писатель. Она – народная артистка Российской Федерации, лауреат Государственной премии СССР. Две ярких звезды, у которых каждый может поучиться тому, как любить и быть любимым, как стать счастливым. «...Валентин Гафт разный. Он может быть теплым, нежным, трепетным, а может быть злым, колючим, непримиримым. Мне кажется, это большое счастье, что во второй половине своей жизни он встретился с Ольгой Остроумовой и теперь наконец обрел долгожданное семейное счастье». Виталий Вульф, писатель, драматург, театровед, ведущий телепрограммы «Серебряный шар» (<http://newtribuna.ru>)

УДК 792.071:929(470)

ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-04-107470-8

© Захарчук М. А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1	10
Семья	11
Война	13
Кино	16
Двор и окрестности	19
Предошущение театра	21
Шахматы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Захарчук

Гафт и Остроумова. История любви

Вместо предисловия

Валентин Гафт, с какой стороны на него ни посмотри, не просто большой советский и российский актер театра и кино, театральный режиссер, поэт и писатель, но и творец уникальный, неповторимый в каждой из перечисленных ипостасей. И хотя очень многие отечественные актеры занимаются режиссурой, пишут книги, сочиняют стихи, Гафт – особенный, неподражаемый. В рамках своей артистической фактуры он может все. Насколько он цельный в творчестве, настолько же противоречивый в жизни. Гафт – фантастическая мировоззренческая планета. И в то же самое время – человек-протест. Душою чист, влюбчив, осторожен и необыкновенно мнителен, но, как ни удивительно, мафусаиловский возраст свой встретил с абсолютным философским спокойствием.

*Уже подкралась старость близко,
и время не воротить вспять,
Я в жизни переторопился,
а надо было замедлять.*

О нем говорят, и совершенно справедливо, что Гафт – это факт наоборот. А еще, что быть Гафтом – не поле перейти. Одни его беззаветно любят за стержневую натуру, другие люто ненавидят за то же самое. А третьи просто боятся и предпочитают обходить его стороной. Потому что если Гафт припечатает, то мало никому не покажется. При этом любая эпитафия Гафта выстроена исключительно на виртуозном парадоксе – высший пилотаж в подобного рода сочинительстве.

Гафт чаще всего бывает прямым, но никогда не бывает скользким. Когда начался майданный бардак на Украине, министерство тамошней пропаганды, сразу прозванное «министерством лжи», запустило великое множество клинически бездарных и столь же злых фейков, направленных на разжигание ненависти между русскими и украинцами. Имя Гафта было задействовано сразу в нескольких фейках. Ему приписали настолько чудовищно-дикую скабрёзность в отношении российских властей, что я даже не хочу оскорблять ею собственные заметки. И тогда не сильно политически продвинутый Валентин Иосифович ответил недругам с берегов Днепра весьма недвусмысленно и определенно.

О Севастополе: «Много отдано русской крови за Севастополь в периоды всех войн. Почему сегодня об этом никто не говорит? Почему сегодня на майдане Ходорковский свободно говорит о фашизме? Он осознает, о чем так спокойно рассуждает?! Ему достаточно встретить хотя бы одного фашиста, чтобы понять, что это такое. Справедливость – существует! И она восторжествует! Я обязательно приеду в русский Севастополь!»

О критике России: «Я свою страну люблю, я ее уважаю, понимаю и чувствую. У меня есть на это право. И позиция у меня такая же, какую занимает моя страна. Нельзя клеймить страну, в которой ты живешь, в которой работаешь. Это неприлично, неинтеллигентно».

О войне на востоке Украины: «Нельзя жить спокойно, зная, что твои солдаты день и ночь стреляют по невинным. Кого они обстреливают? Армию, которая якобы пришла из России? Это неправда! Я не потерял разум, вижу, как вы управляете страной Украиной, это черт знает что! Мерзость!»

О возможном Евромайдане в Москве: «Я – путинец, со мной опасно об этом говорить».

О включении в «черный» и «белый» списки российских артистов, составленные властями Украины: «Сам факт появления таких списков – идиотизм полный. Только круглые дураки могли придумать подобное. Я об этом раньше не говорил, но мне надоело выслушивать от знакомых, соседей удивления якобы моими стихами по событиям на Украине. А эти придурки действительно дают мой портрет с якобы моими стихами. Они не понимают, что я – путинец. Путин мне нравится. И после всего этого они мне предлагают: приезжайте к нам в гости – свободный въезд. Но кому Украина нужна в таком виде? Как можно ехать к людям, с которыми ты воюешь? Это что-то новое. Они говорят: приезжайте, выступайте. А потом? Будем опять вас убивать? Смешно говорить сейчас о свободном въезде. Я противник чудовищной, беспощадной войны, которая идет на Украине. То, что происходит сегодня между Украиной и Россией, – это уничтожение нашего будущего. Трудно будет вернуться к тому времени, когда мы друг другом восхищались. Это обидно. Тем более что украинский народ и культура – потрясающей красоты! Как люди поют на Украине, как чувствуют музыку!»

О роли США в событиях на Украине: «Несмотря на то что на «белое» Штаты сказали «черное», а «черное» назвали «белым», многие государства выполняют, что им сказано. Понятно, они зависимы. И Украина в том числе. А иначе откуда у нее деньги на эту войну?»

О миссии России: «России Богом отпущено быть чище и сильнее других – давайте поверим в это всей душой и будем что-то для этого делать».

О Порошенко: «Он таким родился – уродом. Для меня человек, начинающий войну со своим народом, перестает существовать».

О российском телевидении: «Если часто смотреть российское телевидение, то получается, что Россия – маленькая страна, окруженная со всех сторон Украиной».

И тут обязательно следует подчеркнуть вот что. События на Украине в среде отечественной интеллигенции оцениваются далеко не однозначно. Хотя как раз подавляющее большинство деятелей культуры разобрались в них и давно, и верно. Но, честное слово, такую законченную определенность, такую гражданскую страстность и смелость, как Гафт, далеко не каждый интеллигент нынче может предъявить нашему обществу. И в том тоже его исключительность. Он никогда не ловчил, не хитрил, не пытался понравиться «и нашим, и вашим». Поэтому о так называемой отечественной оппозиции высказался более чем определенно: «Людей, которые выходят на митинги, демонстрации, очень много сегодня. Они активны, они сильны, они упрямы. Они борются, кого-то ликвидируют, силы тратят не на то, на что надо. Я не хочу никого обидеть, но в нашей оппозиции есть просто проходимцы, им легче пойти покричать, чем что-то настоящее сделать».

А вот мнение Гафта о главном СМИ оппозиции, радиостанции «Эхо Москвы»:

*Муха бьется о стекло —
Рядышком окно открыто.
Или муху припекло,
Или после менингита.*

*Ловко делает она
Агрессивные движенья.
Ей свобода не нужна —
Мухе надобно движенье!*

*Муха – «лекарь», муха – «врач»!
Яд – любимое лекарство!
Этим ядом передач*

Муха «лечит» государство.

*Муха «борется со злом»,
Все печется о народе,
Погибая за стеклом
На жирнящем бутерброде.*

*Родилась она давно,
Еще в том, XX веке,
Но любимое го...но
Ищет в каждом человеке!»*

Валентин Гафт сделал так много для отечественной культуры, для народа России, что по праву считается ее достоянием. Народный артист РСФСР еще с лета 1984 года, он стал лауреатом Царскосельской художественной премии, первым лауреатом театральной премии имени И. М. Смоктуновского, международной театральной премии имени К. С. Станиславского, премии «Звезда Театрала», Российской национальной актерской премии имени Андрея Миронова «Фигаро», премии «Золотой орел» в номинации «За вклад в отечественный кинематограф», премии «Хрустальная Турандот» в номинации «За долголетнее и доблестное служение театру». Он обладатель Памятной золотой медали Сергея Михалкова. Награжден четырьмя государственными орденами России.

Гафт абсолютный рекордсмен среди столичных актеров по работе в различных театрах. На его счету их двенадцать. В три театра возвращался дважды. В Театр имени Моссовета – трижды. Сыграл в них свыше полусотни выдающихся или заметных ролей. В «Современнике» выступил в качестве режиссера. Вместе с Игорем Квашой и А. Назаровым возобновил спектакль «Балалайкин и К°» по роману М. Салтыкова-Щедрина и, как четверть века назад, сыграл в нем роль Глумова. Больше всего Гафт поработал, разумеется, в «Современнике». Архивисты, отталкиваясь от его внешности, полагали, что его персонажи были в основном иностранцами. Однако со счетом 21:8 победили соотечественники. Десять раз он играл интеллигентных людей, пять раз – маргиналов. Далее идут военные и чиновники (их было много), а замыкают список три короля, два слуги и один рабочий. Восемь раз его герои были женаты, причем дважды – на Галине Борисовне Волчек. Любовников, изменяющих своим женам, он тоже играл в двух спектаклях и всякий раз уходил из семьи к Марине Нееловой. Лишь однажды он попытался жениться на Лие Ахеджаковой, но у них не срослось. Кроме того, Валентин Иосифович бесконечное множество раз пленял женщин напрасными надеждами, но, как водится, бросал. Елену Яковлеву ухитрился бросить дважды. Впрочем, сатисфакция от женской половины труппы «Современника» все-таки произошла. Его тоже бросили. Один раз. И это проделала на сцене Нина Дорошина.

В отечественном кинематографе Валентин Гафт трудится 63 года. За это время снялся почти в двухстах фильмах и в двенадцати телеспектаклях. Пять картин дублировал. На его счету также девять мультфильмов, двадцать семь радиопостановок. А еще он написал одиннадцать книг. Две – в соавторстве с Никасом Сафроновым и с Леонидом Филатовым. Никас – мой товарищ. Как-то он мне сказал: «Многие полагают Гафта колючим и даже едким. Отчасти это так. Он может дать достойный отпор, когда того требуют обстоятельства. Но в целом Валя – душевный. У него есть свои принципы, которые он не нарушает. Например, считается что актеры – сплошь пьяницы. А Валя никогда, подчеркиваю, никогда не злоупотребляет алкоголем. Однажды он отказался выпить с... Марчелло Матрострости. Хотя с этим легендарным актером, наверное, разделит бы застолье даже хронический язвенник и трезвенник. В конце 1970-х годов Гафт играл в Берлине. На тот спектакль и пришел знаменитый итальянский актер. Они

встретились за кулисами, и Мастрояни очень удивился, увидев у Гафта бутылку кефира. Итальянец сказал, что большие актеры не пьют кефир, и предложил Гафту выпить коньяку из его фляги. Но Валя наотрез отказался».

А Лия Ахеджакова вспоминает другой случай: «В перерыве между телесъемками эфросовской «Тани» по арбузовской пьесе появился некий молодой человек, судя по всему, завсегдатай театральных тусовок. И стал показывать снимки из театрального закулисья, от которых Гафт пришел в восторг: «У-у-у, старик, да ты же потрясающий фотограф, тебе цены нет! Надо же, какие потрясающие фотографии сделал!» Польщенный фотограф начал распускать перья и хвастаться своими знакомствами. И так, между делом, уронил что-то дурное об Эфросе. От Вали последовало немедленное: «Старик, а ты, оказывается, барахло порядочное. Я, признаться, такого барахла вообще-то давно не встречал. А ну пошел вон отсюда, скотина!» Так у него всегда случается непосредственная, чистая, почти детская реакция. Что на хорошее, что на дрянцо».

Вот такая она необычная планета по имени Гафт, на которую автор смиренно приглашает дорогих своих читателей. И видит Бог, как мне хочется, чтобы и они так же полюбили моего героя, как люблю его я...

Часть 1

Детство на улице Матросская Тишина

Матросская Тишина – одна из старейших улиц Москвы. Еще Петр I на правом берегу Яузы построил парусную фабрику и при ней поселил матросскую слободу. В 1771 году фабрику перевели в Новгород, а в ее зданиях был устроен Екатерининский матросский богадельный дом для матросов-ветеранов. Так и появилось название улицы: Матросская – потому что на ней жили матросы – ветераны и инвалиды, Тишина – потому что была в отдалении от шумного центра города. Здание богадельни сохранилось до наших дней. Оно стоит перед Матросским мостом, и сейчас в нем располагается Московский технологический университет. На этой же улице расположен и знаменитый следственный изолятор «Матросская Тишина». А еще жители улицы с редким единодушием гордятся тем, то в доме № 23 выросли такие известные артисты, как Евгений Моргунов и Валентин Гафт. Разница в возрасте между мальчиками была приличной – восемь лет, но они хорошо ладили, о чем мы еще скажем.

Семья

*Уже от мыслей никуда не деться.
Пей или спи, смотри или читай,
Все чаще вспоминается мне детства
Зефирно-шоколадный рай.*

В. Гафт

Самые первые детские воспоминания Валентина Иосифовича относятся как раз к его пребыванию на Украине в пригороде Прилук у бабушки и дедушки по матери. Предвоенное теплое лето. Он, пятилетний пацан, сидит во дворе на мохнатых бревнах, а веселые, перебивающие друг друга от взаимного восторга мама и бабушка идут с рынка. Заходят во двор и дают ему просто-таки невероятных размеров, как арбуз, помидор. И он что есть мочи впивается в красную, немытую мякоть овоща-гиганта. То ощущение до сих пор при нем. Забылись какие-то казавшиеся когда-то очень значимыми вещи, а тот помидор до сих пор краснеет и сочится в причудливой памяти Гафта.

Еще он в подробностях помнит тот счастливый день, когда отец с матерью купили ему голубой трехколесный велосипед. Погода стояла отменная – кататься не хочу. Хотя бы по тротуару вдоль дома. Но, на беду, как раз по этому самому маршруту прогуливалась взад-вперед приличных размеров собака, видимо, ждала хозяина. Не узнаешь ведь ее собачьи намерения, и Валя вернулся в коммунальную квартиру. Ездил туда-сюда по длинному коридору. Потом собака исчезла, и он вволю погонял вокруг дома на виду у завистливой ребятни. А пятиэтажный дом его стоял как раз между психиатрической больницей и тюрьмой «Матросская Тишина». Слева располагался рынок, а еще чуть дальше – студенческое общежитие МГУ. Через дорогу наискосок была 378-я школа для мальчиков (обучение тогда практиковалось исключительно раздельное).

По-особому врезался в память Гафта день, который мог стать роковым в его жизни, в судьбе всей семьи и всей страны. Но, видать, ангел-хранитель устроил затейливую многоходовку для того, чтобы сберечь мальчика и его маму. 21 июня 1941 года они должны были ехать на Украину, в город Прилуки. Послали домработницу, чудную красавицу-хохлушку Галю, на Киевский вокзал за билетами. Разгар сезона отпусков, очереди у билетных касс невероятные. Галя простояла всю ночь – бесполезно. Уже собиралась ни с чем вернуться домой, как, на ее счастье, подвернулась симпатичная женщина и за небольшую переплату устроила девушке вожделенные билеты. Увы, она жестоко обманула бедолагу – подсунула «липовые» проездные документы. Отец в них сразу разобрался, сам отправился на вокзал и купил новые билеты. Но на следующий день по радио выступил Вячеслав Молотов:

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление. Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек».

Мама с сыном Валеи могли оказаться в их числе...

Гита Давыдовна Гафт не получила специального образования. Однако от природы имела разные таланты: пела, вышивала, шила, много читала. Всю свою жизнь она посвятила сыну и мужу. Отличалась временами просто-таки детской непосредственностью. Именно поэтому самое первое воспоминание Вали, связанное с мамой, чрезвычайно курьезное. Когда они

однажды играли в какую-то незамысловатую игру, она вдруг с ужасом заметила, что у сынишки на груди под кожей что-то пульсирует. Схватила его в охапку и пулей помчалась в районную поликлинику. Врач осмотрел испуганного мальчика и с издевкой заметил: «Эх, мамаша, мамаша! Это же сердце бьется у вашего сыночка!»

Мама души не чаяла в своем Вале. Практически никогда его не наказывала за любые провинности и прощала ему самые дерзкие шалости. Он вечно раскидывал по квартире все свои вещи, никогда не убирал за собой постель, посуду со стола, потому что знал: есть мама. Она все подбирала за сыном-неряхой, постоянно приговаривая: «Господи, как же ты будешь жить без меня?!» Мама ушла из жизни на восемьдесят пятом году. Валентину Иосифовичу исполнилось пятьдесят восемь, и он давно уже слыл среди друзей-приятелей невероятным аккуратистом. Неряшливость свою он искоренил еще в студенческие годы. Полы в его квартире всегда чистые, грязная посуда больше не накапливается, а постель прибирает за собой всегда сам и любит чистые, накрахмаленные простыни. Одевается всегда с шиком и лоском. Знать, не прошла материнская наука мимо, а «пошла под нос», как говорит присловье из тех краев, откуда его родители родом.

Отец, Иосиф Румивович, тоже очень любил сына, но временами проявлял к нему определенную строгость. Мог даже ремня всыпать, только слегка, щадяще. Дипломированный юрист, он отличался и житейской мудростью, и человеческой скромностью, оставаясь при этом сильным и гордым человеком, с высоко развитым чувством собственного достоинства.

Война

*Отец прошел войну, он был военным,
Один в роду оставшийся в живых.
Я хлеб тайком носил немецким пленным,
Случайно возлюбя врагов своих.*

В. Гафт

Самая страшная в истории человечества война, для советского народа – Великая Отечественная, – можно сказать, опалила лишь краешек биографии Валентина Гафта. Меж тем и о той грозовой поре его память хранит живые, пульсирующие искренностью воспоминания.

Поначалу ему грезилось, что войну он увидит через окно собственной квартиры. Вот придет кто-то неведомый, отстроит зеленый забор у окна, и будут там ходить пограничники с собаками. И обязательно наши победят всех проклятых немцев. Жизнь оказалась не просто жестче детской фантазии, рожденной в голове мальчика, а трагичнее донельзя. Первым на фронт добровольцем ушел отец. Сам факт расставания с родным человеком не очень отпечатался в памяти Вали. Зато проводы двоюродного брата, девятнадцатилетнего Исаея, маминого племянника, который также ушел добровольцем в неполные двадцать лет, он запомнил в потрясающих подробностях. Исаей пришел к ним домой уже в военной форме. Валя прижался к нему, еле доставая лбом до пряжки ремня, а потом убежал в другую комнату и первый раз в жизни заплакал от страха и досады. Как будто кто-то злой со стороны нашептал ему, что с дядей Исаем будет беда. И она случилась. В кровопролитных боях под Москвой еврейского юношу осколками снаряда буквально изрешетило. Но, к счастью, он остался в живых, правда, с сильно укороченной ногой и одним легким. Оба маминых родных брата и сын одного из них погибли под Сталинградом. Когда война кончилась, мама несколько лет ходила на Белорусский вокзал в надежде кого-нибудь из них встретить. Но – никто не вернулся.

Среди других впечатлений о войне – постоянные очереди в булочных, куда Валя ходил с тетей Феней. И еще запомнились бесконечные, казалось, воздушные тревоги. Сирена будила жильцов Матросской Тишины, и они бежали в сырое подвальное помещение, именовавшееся бомбоубежищем. Там были всегда теплые трубы. Детей обычно накапливалось больше, чем взрослых. Многие из них кричали, но Валя быстро засыпал под их возгласы. Однажды бомба упала рядом с его 23-м домом и угодила в так называемый «женский магазин». Почему «женский», он до сих пор не знает. Но отлично помнит, что все, кто находился в том магазине, погибли. С той далекой поры Валентин Иосифович не переносит всяких подвалов, даже если в них располагаются ресторанные заведения. Они всегда ассоциируются в его воображении с бомбежками, с сырыми подвалами, где вечно пахло проросшей картошкой и сырой известкой.

В первый класс 378-й мужской школы Валя Гафт пошел как раз на пике войны. Запомнились очень холодный класс (не все стекла были целыми, из них всегда сквозило) и очень старенькая первая учительница. А вот как ее звали-величали – забыл. Вид у нее был какой-то еще дореволюционный: черная шапочка, длиннющий синий халат и пенсне с цепочкой до пояса. Несколько раз они всем классом возили на санках ей дрова для печки.

Когда Красная армия зимой 1943 года перешла на новую форму, отец прислал своим домочадцам очередную посылку, в которой оказались его полевые майорские погоны. Валя любовно ими играл на досуге, несказанно гордился суконными прямоугольниками и регулярно повышал отца в звании. Потом те погоны хранились в домашнем шкафу до самой отцовской смерти. А Иосиф Рувимович ушел из жизни очень рано, на шестьдесят втором году – классический случай, когда сказались тяжелейшие боевые увечья, выпавшие на его долю. Вален-

тин Иосифович хорошо помнит, как зимой 1943 года отца после ранения привезли в один из московских госпиталей. Они с мамой долго шли по длинному коридору. Вале было боязно и страшно увидеть родного человека изувеченным, он уже был наслышан о том, что у отца разбито лицо и почти оторван нос. И страхи, увы, оправдались: голова и лицо Иосифа Рувимовича были в сплошных бинтах. Рядом с кроватью стояла тумбочка, где грудилась всякая вкуснятина, доставленная подчиненными отца: шоколад, компот в банке, печенье. Испытывая неловкость и даже стыд за свою жадность, Валя тем не менее смел почти все, пока отец с матерью разговаривали.

Отец никогда не рассказывал о своих фронтовых подвигах, даже когда Валя его нечасто, но расспрашивал. Отнекиваясь, говорил, что военные юристы не самая героическая профессия на фронте. И даже тот факт, что он пролил кровь за Родину, не вызывал в нем никакой гордости. Он был выдержанным и скромным человеком. За это его ценили и на службе, и в быту. И лишь много лет спустя после отцовской смерти Валентин Иосифович узнает, за что отец был награжден медалью «За боевые заслуги».

Из «Наградного листа»: «Военный юрист 3-го ранга Гафт Иосиф Рувимович на фронте с сентября 1941 года в составе прокуратуры войск НКВД – Западный фронт. 31 декабря 1942 года он находился в селении Боровск, район Кондрово, Смоленской области. Противник после артподготовки вклинился в нашу оборону и отрезал расположение прокуратуры от наших контрнаступающих частей. В этот момент тов. Гафт получил приказ доставить срочный пакет в штаб Западного фронта. По пути из селения Боровск в город Кондрово авиация противника в числе 6 мессершмиттов бомбила дорогу, ведущую из Боровска в Кондрово. Стараясь проскользнуть через обстрел вражеской авиации, тов. Гафт в 6 часов вечера 31 декабря 1942 года был контужен осколком бомбы. Машина, на которой он следовал, была разбита. Тов. Гафт получил ранение носа и травму головы и в тяжелейшем состоянии был доставлен в передельническую больницу. Пакет был доставлен своевременно».

А потом пришла Победа! Валя со своей любимой и замечательной тетей Феней отправились 9 мая на Красную площадь. Народу там собралось видимо-невидимо. Все радовались, обнимались, целовались. То тут, то там играли гармошки. А высоко-высоко над площадью парил громадный аэростат, на котором висел портрет И. В. Сталина. К вечеру его осветили прожекторами. Вале запомнился тот портрет, а еще торчащие палки, на которых висели галоши, чтобы потерявшие могли их подобрать. При этом, что самое удивительное, на площади не ощущалось никакой толкотни и давки. В атмосфере всеобщего ликования люди словно парили над землей, а если и задевали друг друга, то только ко взаимной радости.

Восемь лет спустя Валентин Гафт с другом Володей Кругловым еще раз попал в огромное скопление народа – при похоронах Сталина. Ребята смогли добраться только до Дома Союзов, а дальше пройти уже не представлялось никакой возможности. Спаситься из той жуткой давки им удалось чудом. Забежали в какой-то подъезд и там провели всю ночь. В те дни многие москвичи были затоптаны и задавлены насмерть. Был среди смертельно пострадавших и мальчик из школы № 378, Семен Шляффер. Победное народное столпотворение источало радость жизни, а вот похоронная давка ничего иного, кроме смерти, не могла принести...

В том же победном мае студенческое общежитие превратилось в военный городок. В нем разместили солдат и офицеров, приехавших из Германии для участия в Параде Победы. Из постоянно распахнутых окон звучала патефонная музыка, слышались уже известные фронтовые песни. В общежитие беспрерывно входили и выходили воины-герои, с обветренными лицами, в полинявших гимнастерках, завешанные, как броней, огромным количеством орденов и медалей. У офицеров наград было и того больше. Мальчишки Матросской Тишины и Валя среди них с утра до поздней ночи ошивались возле общежития. И не зря. То и дело из открытых окон вылетали конфеты в ярких немецких обертках, бритвенные лезвия, заграничные открытки. Солдаты с голыми торсами обливали себя водой на улице и брызгали ею на

мальчишек. Все весело хохотали от не вмещающейся в груди радости: война кончилась! Так на Матросскую Тишину пришла радостная и бодрая мирная жизнь. Но, прежде чем приступить к ее описанию, приведу еще один фрагмент из военного детства Валентина Гафта. И будет он называться коротким, но емким, из четырех букв, словом: «Кино».

Кино

*Связь времен – связь света с звуком.
Как постигнуть эту страсть?
Поэтическая мука —
В даль туманную попасть.*

В. Гафт

...Моя внучка, не достигнув еще и двухлетнего возраста, произносившая тогда с десяток слов, точнее даже слогов: «папа» – «па», «мама» – «ма», «вода» – почему-то «пу», и так далее – уже свободно управлялась с планшетом, просматривая на нем мультики во время приема пищи. В XXI веке электронные носители информации вообще, по моему разумению, вытеснили кино на периферию общественного интереса. Похоже, что и Родион Петрович Рачков из фильма «Москва слезам не верит» тоже окажется не прав. Помните его знаменитый диалог с оппонентом: «Ни кино, ни театра, ни книг, ни газет – ничего не будет. Одно сплошное телевидение». – «Ну это вы что-то разгорячились. Театр, тут я согласен, действительно скоро отомрет, но книги, кино?» Так вот интернет, скорее всего, вытеснит и телевидение, не говоря уже о кино. Для людей цветная, движущаяся и говорящая картинка такая же обыденность, как асфальт или мусоропровод. Черно-белое кино до войны, во время нее и после – нечто особое, трудно постижимое.

Все это я веду к тому, что, скажем, моим дочерям, а уж внукам и подавно, никогда не понять восторженных, временами даже бурных воспоминаний Валентина Гафта, связанных с миром кино в период военного лихолетья и после него. Положим, и мое послевоенное детство тоже накрепко связано с волшебным белым квадратом экрана сельского клуба. Но все же не до такой тотальной степени, которая наблюдалась в той же столице военного времени. Несколько десятков кинотеатров Москвы никогда не закрывались. В них всегда стояли очереди.

Из воспоминаний Валентина Гафта: «До войны я в кино, можно сказать, что и не ходил. Во всяком случае, сколько ни напрягаю память, никакой довоенной картины, виденной мной, вспомнить не могу. А в году где-то 42—43-м стал регулярно посещать различные столичные кинотеатры. Мой восторг от того, что я видел на экране, описать словами трудно. Часто, следя за событиями той или иной картины, я почти что умирал от переполнявших меня чувств. Многие фильмы смотрел по многу раз. Особенно запомнилась лента «Иван Никулин – русский матрос». Может быть, потому, что я впервые увидел цветное кино. Уже взрослым я узнал, что картину ту снимали по особому трехплёночному процессу. Технология была сложной до невероятности. Таким способом сняли всего три или четыре фильма, а потом от него отказались. Так что «Никулина» в цвете показывали только в Москве. В картине снимались Иван Перверзев, игравший главную роль Никулина, Борис Чирков, Эраст Гарин, Зоя Федорова. Сюжет такой. Матросы Черноморского флота Иван Никулин и Василий Клевцов возвращаются в свои экипажи. В поезде к ним присоединяются другие матросы. Неожиданно путь эшелону преграждает немецкий десант. Наши мужественно сражаются с немцами и побеждают, но потом вынуждены организовать партизанский отряд, чтобы все-таки пробиться к Черному морю. В это трудно поверить, но во время показа того фильма я плакал, несколько не стесняясь слез, потому что и другие пацаны тоже втихаря всхлипывали.

Тот же «Подвиг разведчика» я смотрел, наверное, раз 15 или 20, а может, и того больше. Это было потрясающе, грандиозно, непередаваемо, сногшибательно, чудно! И, как оказалось, те чувства остались со мной на всю жизнь.

Еще один фильм, который буквально перепахал меня всего, вывернул наизнанку – «Первая перчатка». После него я решил заняться спортом. Нашел перчатки и взял себе в спарринг-партнеры самого сильного пацана на улице – Толю Аршинова. У меня появилось бесстрашие, которого раньше за собой не замечал. Потому что я ощущал себя Никитой Крутиковым, которого блестяще сыграл снова-таки Иван Переверзев. Знал я наперечет и других актеров из этой великолепной картины: Владимира Володина, Сергея Блинникова, Надежду Чередниченко, Марию Яроцкую, Анастасию Зуеву, Владимира Грибкова. У него была роль тренера по боксу общества «Мотор» Шишкина. И на какое-то время фраза: «Привет, Шишкин!» – стала чрезвычайно популярной среди москвичей.

А как мы, пацаны, перебивая друг друга, обсуждали увиденные фильмы – уму непостижимо! Бывало, добираемся из «Ориона» до Матросской Тишины. Путь не близкий. И не переставая кричим друг другу: «А помнишь, как он его: здынь – здынь?! А тот тоже не дурак, и ему под дых – ха!» И еще битый час пересказываем то, что лишь недавно все видели...

...Помните, дорогой читатель, вот этот отрывок из культового фильма «Семнадцать мгновений весны»? «Эту картину под названием «Девушка моей мечты» Штирлиц смотрел в шестой раз. Он ненавидел эту картину. Он уже не мог смотреть на Марику Рок и слушать эту музыку. Разумеется, такие вещи не принимаются во внимание. В этом кинотеатре он встречался с дипкурьером по фамилии Свенсон. Сведения, которые сегодня ждал Штирлиц, были крайне важны. Итак, сегодня он в шестой раз посмотрел «Девушку моей мечты» и в шестой раз уехал, не встретив своего агента».

Почему на ум пришел именно этот отрывок? Да потому, что Штирлиц и в седьмой, и в десятый раз мог спокойно купить билет в кинотеатр прифронтового Берлина. И сидеть там почти в полупустом зале. В московских кинотеатрах, повторяюсь, всегда в кассах стояли очереди, а залы были переполнены. В этом смысле кино военного времени, пожалуй, самая многозначная примета и самого грозного времени, и людей, которые мужественно, без тени отчаяния и обреченности преодолевали невероятные трудности, не теряя веру в светлое будущее, в желанную Победу.

Залы не пустовали даже в самые лютые холода, которые случались практически в каждую военную зиму! В некоторых из них во время демонстрации фильмов разгуливали крысы, но зрители совершенно не пугались. И в то же самое время, перед каждым вечерним сеансом в фойе выступали джазовые оркестры, пели эстрадные исполнители, играли пианисты.

Вот что вспоминает певица Ружана Сикора: «Зимой в кинотеатрах было ужасно холодно. Особую трудность испытывали музыканты, играющие на духовых инструментах, их губы примерзали к мундштукам. А смазать жиром нельзя было – исчезал звук. Пианисты отрезали в перчатках пальцы, чтобы все же почувствовать клавиши. И все музыканты тепло одевались, стояли в валенках. Я же, как певица, не могла себе этого позволить и всегда выступала в концертном костюме, в туфлях на высоких каблуках. Вся сложность была лишь в том, чтобы по ступенькам взобраться на ледяную эстраду. Выдыхаемый множеством людей воздух от мороза превращался в наледь. И моя хитрость заключалась в том, чтобы каблуками проделать в наледи небольшие ямки, в которых можно было стоять устойчиво».

«Сегодня я пришла в аллею нашей встречи,/ Где над обрывом вьется дикий виноград,/ Был по-осеннему прозрачен тихий вечер,/ И синим сумраком окутан старый сад./ Издалека чуть слышен мертвый шум прибоя,/ И шелестит листвой каштан над головой,/ А где-то в море, чуть качаясь над водою,/ Плышет корабль твой, озаряемый луной./ Пусть нет тебя, ты далеко в просторах моря,/ Где волны грозные во тьме ночной шумят./ Тебя я вновь, любимый, в той аллее встречу,/ Где над обрывом вьется дикий виноград./ Я жду тебя и знаю, в тихий летний вечер/ Опять придешь, мой друг,/ Ты в этот сад».

«Я жду тебя» – так назывался самый популярный шлягер в исполнении Ружаны Сикоры. Чаще всего певица выступала в центральном столичном кинотеатре «Художественный», и

юный Валентин Гафт не раз слушал ее исполнение. Помнит с тех далеких пор эту незамысловатую песенку военной поры и может, при случае, даже сам спеть «Я жду тебя» под настроение. На вечерние сеансы, правда, дети «до шестнадцати лет» не допускались, и Гафту приходилось прибегать к невинной хитрости: он одалживал у старших ребят комсомольский значок – а всякий его обладатель автоматически как бы считался взрослым, к тому же и выглядел Валентин старше своих лет. Отстоял очередь, купил билет и – милости просим на вечерний сеанс. Но в фойе начиналось испытание, преследовавшее его практически до десятого класса. Всякий раз он должен был решать дилемму: покупать мороженое или бутылку сладкой газированной воды. Прибresti то и другое удавалось нечасто, хотя мама не скупилась на развлечения сына. Выросшая в многодетной семье (двенадцать детей!), она была обделена детскими радостями, поэтому безоглядно баловала единственное чадо вплоть до его поступления в вуз. Впрочем, родители баловали его и потом. Признаться, я даже несколько дивлюсь тому сермяжному обстоятельству, что из Валентина Иосифовича в итоге не вырос ни маменькин сынок, ни мягкотелая податливая личность. Наоборот, вырос боец, человек со стержнем в характере, способный к настоящему поступку.

Двор и окрестности

*Я школу прогулял на стадионах,
Идя в толпе чугуниной на прорыв,
Я помню по воротам каждый промах,
Все остальные промахи забыв.*

В. Гафт

Многие послевоенные воспоминания моего героя крепко связаны с его домом, двором и окрестностями, наиболее значительными из которых считались студенческое общежитие на Стромынке и любимый парк «Сокольники». Туда он ходил кататься на коньках, не страшась никаких бандитов, которых в послевоенной Москве действительно наблюдалось с избытком. Собственно, и его двор на Матросской Тишине тоже считался бандитским. Валентин Иосифович до сих пор помнит клички некоторых наиболее известных блатных и воров: Свист, Аршин, Пигарь... Примечательно, что и все сверстники Гафта, москвичи, как правило, вспоминают про собственные бандитские дворы. Что и неудивительно. Послевоенная Москва бурно развивалась, притягивая к себе не только строителей-созидателей, но и различные противоправные элементы. Так что знаменитый фильм Говорухина «Место встречи изменить нельзя» возник не на пустом месте. Потому он так правдив и достоверен.

Все мальчишки любят подражать сорвиголовам, людям фартовым, а то и безбашенным. Валентин исключением не являлся и часто завязывал дружбу с представителями уличной шпаны, с теми ребятами, которые могли «держать мазу» за него – защищать, выгораживать, поддерживать. При этом всегда стремился доказать, что и сам не лыком шит. Поэтому регулярно шел на «стычки», участвовал в драках и всегда приходил домой, к ужасу сердобольной мамы, с синяками и фингалами. Не единожды терял в драках зубы. Последний раз ему выбили зуб аккурат накануне поступления в студию МАХ. Юноша приуныл не на шутку: кто же примет беззубого в артисты? И тогда отец повел его к знакомому стоматологу, который вставил золотую фикса. К слову, в войну и после нее именно золотая фикса считалась наиболее распространенным свидетельством того, что ее обладатель каким-то образом принадлежит к блатному миру. Как бы там ни было, но Гафт целых два курса «вышагивал» по студии, сверкая золотым зубом. Потом преподаватели заставили поменять его на белый.

...Однажды Валя шел в школу на пионерский сбор в беленькой рубашечке и в красном галстуке. Ему очень нравилась именно такая форма одежды и сочетание именно этих цветов. Ну, так вот, шел он, весь такой из себя нарядный, красивый. А навстречу – Володя Чистов по кличке Чистый, хулиган на велосипеде. Подъехал и, тыча пальцем в галстук, сказал язвительно: «Ну, ты, че селедку надел?» Валя, не задумываясь ни доли секунды, хуком, как заправский боксер, врезал наглецу по физиономии. У Чистого моментально под глазом, как воздушный шар, стал надуваться красный фингал. Шар был огромный, и оба пацана испугались. Плачущий Вовка заорал и убежал на другую сторону улицы, а Валя с гордым видом, пошел на свой пионерский слет, приговаривая про себя: «Знать, я не трус и не сопляк плаксивый, как Володька».

С некоторых пор пионер Гафт стал наблюдать за собой удивительную способность собирать свою волю в кулак, мобилизоваться в нужный момент. Напротив пустыря, где пацаны с Матросской Тишины часто играли в футбол, жила одна прелестная девушка, которая очень нравилась Валентину. Ее звали Дина Василенок. Пройдут годы, и она станет доктором физико-математических наук. И однажды признается, что зря в свое время не обращала внимания на Валика Гафта, который был младше ее всего на год. Тогда, надо честно признать, играл он в футбол не самым лучшим образом. Однако когда в окне появлялась Динка, Валя мгновенно

преображался. У него даже менялась фигура, появлялась неожиданная скорость в ногах, и бил он с такой чудовищной силой, что ребята удивлялись. Мало того, он начинал кричать на своих товарищей, на которых обычно не смел даже повысить голоса, потому что они были старше и сильнее: «Мне давай, идиот! Неужели не видишь, в какой я забойной позиции?» Дина отходила от окна, и у Гафта тут же исчезало футбольное мастерство: он становился робким, неуклюжим и вялым. Но стоило девушке опять появиться в окне, как он снова каким-то не своим, весьма грубым и сильным голосом орал на всю округу: «Мяч – мне! Ну вот я здесь!» И забивал голы. В виде ремарки хочу повторить, что он с детства умеет сосредотачиваться, концентрировать себя на выполнение какой-либо задачи. Хотя учился Валя плохо, но в экстремальных ситуациях, когда, скажем, на экзаменах брал билет, умел быстро собраться, вспомнить все обрывки и осколки своих хилых знаний и выдать «на гора» вполне приемлемый результат.

...Такие люди, как Гафт, редко, но встречаются. У меня в военном училище был приятель Володя В. Как-то он, сдавая экзамены по истории античной литературы, заметил преподавательнице (между прочим, кандидату наук по разным мифам), что, на самом деле, вся эта антика уже давно есть аппендикс человеческой культуры и никому не нужна. Возмущенная столь неслыханной дерзостью и пренебрежением к ее любимому предмету, кандидат пошла на курсанта в атаку, надеясь вклеить наглецу двойку. Не на того напала! В течение часа он все-таки доказал ей свою правоту, и женщина согласилась, что да, античная литература, в самом деле, есть пусть и не аппендикс человеческой культуры, но вещь не самая нужная людям вообще и военным в частности. Выйдя из аудитории, потный, разгоряченный и усталый Володя показал всему собравшемуся курсу пятерку в зачетке. Вытерев лоб, заметил примирительно:

– Вообще-то я, конечно, спорол херню на постном масле. А с другой стороны – чего она залупилась?

Валентин Гафт тоже с самого детства обладает поразительной цепкостью ума, вместе с врожденным необыкновенным воображением. Это сочетание и дало ему спустя многие годы возможность блестяще играть в театре и кино, писать удивительные неподражаемые эпиграммы. Но мы, как говорится, сильно «забежали наперед»...

Предошущение театра

*Душой задуманная мысль,
Стрелой умчавшаяся ввысь,
Мечта моя, лети!
Но не пустой ко мне вернись,
Я буду ждать, не торопись,
Счастливого пути!*

В. Гафт

Валентин Гафт начал заниматься в школьной самодеятельности где-то в классе седьмом или восьмом. Именно в те времена у него однажды ночью возникла неожиданная и странная в силу полнейшей случайности мысль стать артистом. Потому как ни малейших предпосылок к подобному выбору ни в семье, ни в его окружении не наблюдалось. И тем не менее в его мозгу искрой сверкнуло: непременно стану артистом, ведь ничего на свете лучше и проще нет. Это было настолько потрясающее открытие, что Валя, по примеру Архимеда, чуть не заорал среди ночи: «Эврика!» Господи, да какое же это счастье обладать профессией, где ничего не надо знать, ни о чем не думать, не беспокоиться, а только выходить на сцену и торжественно произносить: «Кушать подано!» И ты – всегда при деле, к тебе все относятся с почтением, более того, тебе еще будут платить хорошие деньги. О том, что можно в артистической профессии достичь каких-то больших высот, стать знаменитым – такой мысли у Валентина никогда не наблюдалось, пожалуй, что до самой школы-студии. Его просто прельщала, как казалось, примитивная возможность получить высшее образование без элементарнейшего напряжения, не сдавая экзаменов ни по математике, ни по физике. Тем более что учился Гафт в основном ни шатко ни валко. Но еще более удивительно то, что столичные театры он посещал крайне редко.

Один такой коллективный поход в гости к Мельпомене ему все же запомнился. Их всем четвертым или пятым классом повели в детский театр на спектакль Сергея Михалкова «Особое задание». Валя сразу поверил буквально всему, что происходило на сцене. Как только прозвучала первая реплика, театр для него прекратился, и началась увлекательная жизнь по ту сторону рампы, где плоские декорации, изображавшие зелень, казались настоящим лесом, а переодетые в мальчиков женщины, которых называют травести, были настоящими пацанами. Собственно, с чего начиналось сценическое действие и чем оно в итоге закончилось, не имело сколь-нибудь существенного значения. Он сделал для себя главное открытие, которое теперь, на дистанции огромного времени, видится судьбоносным, определившим дальнейший жизненный выбор, – Валентин понял, что ходить сюда будет всегда.

Второй раз подобное озарение случилось с ним, когда он уже снимался в кино. То была довольно нашумевшая картина «Убийство на улице Данте». Для съемок группа выехала «за границу» – в Ригу. Молодых артистов Михаила Козакова и Валентина Гафта уже маститые актеры Ростислав Плятт и Елена Козырева пригласили в ресторан. На сладкое подали нечто белое. Валентин подумал было, что это манная каша, но когда попробовал, сразу понял: отныне «это» он будет есть всегда и по возможности три раза в день. Как вы уже поняли, это были взбитые сливки...

Шахматы

*Победу на доске одерживали слева,
Пробилась в Королевы пешкадева,
И Правый пал Король пред ней.
Но, цвет лишь изменив
И не убавив гнева,
Встает Король, с ним рядом Королева,
И снова рвутся жилы у коней
Опять трещат лады, и из слонов гора
Уже давно лежит у кромки поля,
Но пешки Левые на трон не рвутся боле
Им Правых поздравлять пора!*

В. Гафт

В 1948 году шестым в истории шахмат и первым советским чемпионом мира стал Михаил Ботвинник, благодаря которому многие советские люди натурально «заболели» шахматами. Увлечение 64 клетками было повальным, едва ли не в каждом столичном дворе устраивались шахматные турниры, а шахматная доска под мышкой для москвича стала столь же обыденной, как зонтик над головой. Во дворе Гафта в шахматы играли все. Разумеется, и Валентин приобрел себе шахматную доску. Правда, стоящего шахматиста из него не получилось. И причиной тому – отдельная, почти невероятная история.

В том же подъезде, что и Гафт, на первом этаже жил Юра Крюков. В одной из драк он выбил Вале зуб, что было совершенно справедливо – Гафт сам напросился на «стычку». А по соседству с Крюком жил законченный блатняга по прозвищу Киса. Вечно хитро улыбающийся, он представлял из себя ходячую картинную выставку, поскольку просидел в тюрьме несколько лет, и там его буквально изуродовали татуировками. Валя часто ходил к Юрке слушать пластинки на патефоне. Мама дружка обожала эстрадную музыку и покупала пластинки пачками. Для сына она приобрела большой аккордеон, и Юрка очень быстро научился на нем весьма прилично играть. Другими словами, квартира Крюка стала со временем для Гафта миниатюрным концертным залом. Однажды он зашел в этот «зал» и застал там играющих на кухне в шахматы Юру и Кису.

– Пацаны, научите и меня играть

– Да о чем базар! – широко улыбнулся Киса. – Садись и мотай на ус.

Смышленный парнишка Гафт очень быстро овладел «шахматной премудростью». Тем более что дружки его наперебой хвалили и даже дивились его «соображалке».

– Ну все, – подытожил Киса, – ты уже наблатыкался в игре вполне достаточно. Так что иди давай в психбольницу. Там, как это тебе ни покажется странным, есть очень много хорошо играющих.

Валя и отправился со своей доской в больницу, которая находилась на той же улице, и сразу нашел себе партнера. Они устроились играть на небольшой скамеечке под гигантским деревом. Валя быстро поставил любителю мат. На место проигравшего сел другой выздоравливающий, потом пятый, десятый. И всем новоиспеченный мастер Валя ставил быстрые победные маты. Лишь одиннадцатый соперник вдруг приставил два пальца ко лбу и задумчиво произнес, почти как одноглазый шахматист из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова: «Позвольте, товарищи, но мне сдается, что в шахматы играют как-то по-иному». Если бы Гафт к тому времени прочитал знаменитый роман из великой дилогии, то, конечно бы, заметил

сомневающемуся по примеру Остапа Бендера: «Сдавайтесь, сдавайтесь, что за кошки-мышки такие!» Но романа он не читал, поэтому лишь снисходительно улыбнулся – что взять с больного? А, между прочим, выздоравливающий-то оказался прав. Дружки научили Гафта конем играть как слоном, ладьей – как конем, ферзем – как пешкой, ну и так далее. Валя сразу же охладел к шахматам и снова (уже серьезно) взялся за них лишь в школе-студии МХАТа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.